

Профессора и студенты

Традиции Московского университета крепили и развивались от века к веку. Университет рос, расширялся, все теснее сближался с городом, в котором был основан, и прочнее становилась его связь со всей Россией. В начале XIX века он стал фактически во главе общероссийского образования, когда под его управление попали все средние учебные заведения страны. Университету был также поручен контроль над домашними учителями, именно в нем они должны были получать разрешение на учебную деятельность, а частные пансионы на открытие. На какой-то момент университету было даже дано право производить экзамены на чиновничество, что было чрезвычайно важно с государственной точки зрения.

Но это все внешняя деятельность. Для университета же всегда самым важным оставалась его внутренняя жизнь. Нельзя говорить об университете и не упомянуть о профессорах и студентах, составлявших его суть. Их жизнь и взаимодействие в университетском мире определяют успех и значение этого учебного заведения.

О высоких требованиях, предъявляемых к профессорам и преподавателям университета, говорится уже в первом коллективном труде «Способ учения» (1771), опубликованном в Московском университете. Труд был посвящен проблемам и методике преподавания и предназначался, прежде всего, для учителей гимназий, пансионов и домашних учителей. Первый пункт «Способа учения» гласил: «Никто, не имеющий воспитания сам, других воспитывать не может, и учитель, не показывающий собою примеров честности, добродетели, непорочности нравов и благоразумия, больше вреда, нежели пользы, приносит воспитываемым». Звание профессора Московского университета всегда было почетной и ответственной обязанностью.

Нет, это не значит, конечно, что все профессора и преподаватели университета были идеальными. Д.И. Фонвизин, учившийся в университет вскоре после его открытия, вспоминал, что учение было не слишком эффективным, так как «Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков, но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо». А юный С.Р. Воронцов в письме к отцу 1759 года умолял

его забрать из университета, так как знаний никаких он не получает и «учителя – пьяницы, а ученики самые подлые поступки имеют».

Да и жизнь профессоров и преподавателей была не самая завидная. Помимо финансовых проблем, низкого жалования, которое к тому же платилось нерегулярно, бытовых трудностей, особенно если в целях экономии приходилось селиться на окраине и на дорогу, зимой, в темноте, уходило много времени, все профессора выполняли еще различные обязанности помимо непосредственно чтения лекций и преподавания. Один работал библиотекарем, другой - врачом Университетской больницы, третий - цензором, инспектором гимназий, главным смотрителем Ботанического сада и т.д. Возмущенный Н.М. Карамзин писал по этому поводу «Лучшие профессора, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров для университета!» Подобная многоплановость и многофункциональность профессорской деятельности, хорошо это, или плохо ли, но также стала неотъемлемой университетской традицией.

Постепенно, по мере выпуска специалистов из стен самого университета, профессорско-преподавательский состав претерпевал заметные улучшения. Правительство всячески заботилось об этом – время от времени повышало чины выпускников, учителей и профессуры, что заметно поднимало их престиж в обществе; отправляло их для повышения уровня преподавания на стажировки за границу, в отдельные периоды они даже были обязательными; поддерживало и увеличивало их привилегии: освобождение от полицейских городских повинностей, неподсудность общему, а только университетскому, суду и другие.

В XIX веке уже складывается плеяда настоящих университетских профессоров, общение которых со студентами не ограничивается только лекциями. Б.Н. Чичерин вспоминал, как в 1840-е годы студенты часто собирались у профессоров дома, разговаривали, спорили, пользовались их библиотекой, обсуждали прочитанное, а иногда оставались и пообедать. "Отношения между профессорами и студентами были самые сердечные: - писал он, - с одной стороны, искренняя любовь и благоговейное отношение, с другой, всегдашнее ласковое внимание и готовность прийти на помощь». Много позже и в совершенно иную эпоху, в 1905 году, известный историк В.О. Ключевский

отмечал «Студенты ценили профессоров, профессора понимали студентов: те и другие гордились своим университетом, тех и других уважало общество».

Не менее важными были и складывавшиеся в стенах университета отношения между студентами, особое студенческое братство, которое было важной составляющей университетской жизни. Воспоминания бывших студентов Московского университета, независимо от политических, общественных и гражданских позиций авторов, едины в одном – пребывание в университете стало временем удивительных человеческих отношений, в нем царил особый, ни с чем не сравнимый дух единения, сохранявшийся в его выпускниках до конца жизни. Если университет был для студентов *alma mater*, то сами они становились братьями.

Свидетельств тому более чем достаточно. Б. Чичерин считал, что товарищеские отношения между студентами «составляют одну из главных прелестей университетской жизни и которые сохраняются навсегда, как одна из самых крепких связей между людьми». Поэт М. Дмитриев также отдавал должное этим особым чувствам, охватывающим каждого, кто приобщался к студенческой жизни: «Здесь вступил я, так сказать, в новое семейство студентов университета; здесь сделал новые, самые приятные знакомства; здесь узнал дружбу, продолжавшуюся до старости. Студенты университета и в мое время, и ныне сохраняют к Московскому университету какое-то родственное чувство, сладостное и в самой старости. Московский университет – это наша вторая родина!» Подобных цитат можно привести великое множество.

Студенческая жизнь всегда строится по единым законам – лекции, занятия, домашние задания, экзамены, с одной стороны, и общение, дружеские встречи, прогулки и вечеринки, с другой. Хорошо известно также, что в студенческие годы время движется с особой скоростью – медленно и не спеша, так что многие потом удивляются, как это студенческие годы смогли вместить в себя столько событий, чувств и переживаний. Студенты Московского университета всегда жили по общим правилам.

Вот учеба, начало XIX века: «Все жило в тесноте, теперешнему уму непостижимой, и все жило ладно. Лекции начинались зимой при свечах желтых, сальных, вонючих; утренние кончались в 12 часов, возобновлялись тотчас после обеда казенных студентов в 2 ч. и продолжались до 6 ч., и это всякий день, к неопisanному нашему удовольствию». Лекции посещались исправно. Еще в

елизаветинском уставе отмечалось, что студент, пропустивший месяц занятий, будет отчислен. В тесноте же университет жил всегда, так как рос быстрее, чем успевали построить новые здания. Поэтому так важно было занять место на лекции: «Иногда толпою ожидали, когда солдат отворит в определенное время дверь аудитории, и тогда все наперебой бросались занимать места, т.е. положить на избранное место свою табель, тетрадь или фуражку, вечно измязую из особого франтовства. Место, на котором лежала фуражка, считалось уже неприкосновенным. Не так уважались тетради; иногда их сбрасывали, и при этом выходили из-за мест споры и ссоры». Потом, правда, случалось и такое: «Не успеет пройти 1/4 часа, и уже начинает слышаться сопенье, а потом и храпенье то в том, то в другом углу обширной аудитории, наполненной до тесноты студентами...»

Свободное время проводили всегда оживленнее, в этом все студенты похожи друг на друга. Так, известный хирург Н.И. Пирогов вспоминал веселые студенческие годы: «Вот и настало первое число месяца. Получено жалование. Нумер накопляется. Дверь то и дело хлопает... Яков является со штофом под черной печатью за пазухой, в руках несет колбасу и паюсную икру. Печать со штофа срывается... Начинается попойка». А правовед Б.Н. Чичерин был более сдержан в своих воспоминаниях: «Собирались у нас почти ежедневно после лекции и по вечерам. После лекций бывало угощение пирожками, которые отлично делал наш повар Мокей. Появлялось большое блюдо, которое немедленно пожиралось с свойственным молодости аппетитом. Вечером мы в компании распивали чай, пели, хохотали, слагали разные университетские песенки, иногда сочиняли домашний ужин. Выезжавшие в свет привозили оттуда всякие рассказы. В праздничные дни мы нередко всей гурьбой отправлялись ужинать в Троицкий трактир, где все половые нас коротко знали. Однажды на масленице мы у себя задали блины и пировали до ночи. В весеннее время мы точно так же гурьбою совершали большие прогулки и загородные поездки, а зимою иногда устраивали охоты в подмосковные к товарищам. Добычи было немного, но езда вереницею в большой компании, движение на воздухе, веселые обеды и ужины после проведенного на охоте утра – все это было полно прелести».

Студенческие годы заканчивались, и наступал выпуск. Большая часть бывших студентов отправлялась на государственную службу. Звание

выпускника Московского университета само по себе являлось хорошей рекомендацией в жизни. Крайне скептически оценивавший российскую действительность Н. Тургенев писал, что "Даже теперь редко встретишь человека, правильно пишущего на своем языке и при этом не вышедшего из стен Московского университета. Все воспитанники этого особенного учебного заведения счастливо отличаются от выпускников иных учреждений; на государственной службе они проявляют благородство характера, честность и человеколюбие – качества, весьма редкие в сей сфере деятельности». Он же далее особо отмечал, что «Когда среди всеобщего мздоимства, среди продажной толпы хищных начальников, вероломных судей, терзающих Россию, случайно встречается честный, твердый и просвещенный чиновник, почти всегда можно с уверенностью сказать: он учился в Московском университете».